

Глава 95 (Часть 2)

Когда стрела пронзила его левую руку, кинжал внезапно выскользнул на землю, и Принц, стиснув зубы от боли, пошатнулся вперёд, всё ещё удерживая Императора здоровой рукой.

Чжу Можэнь шагнул за открытые ворота дворца, и в его глазах внезапно промелькнула тень надежды. Он посмотрел вперёд и увидел медленно шагающего к нему Кун Чао с ножом в руке.

Надежда в его глазах постепенно угасла.

Кун Чао взмахнул мечом, расколов нефритовую корону на голове Чжу Можэня на две части. Длинные чёрные волосы упали на землю вслед за обломками короны. Красивое бледное лицо стало ещё блее. Юноша стиснул зубы, продолжая волочить за собой Императора, снова и снова блокируя удары Кун Чао, но в конце концов Кун Чао всё же смог нанести ему удар. Стоя перед ним на коленях, Чжу Можэнь поднял свой меч, чтобы защищаться, и отчаянно крикнул:

— Кун Чао, как ты посмел предать меня? У тебя нет совести!

Меч внезапно остановился в паре сантиметров от лица Принца.

Красивое лицо Кун Чао было покрыто каплями крови. Он опустил голову и пристально посмотрел на поверженного принца, стоящего на коленях.

Какое-то время помолчав, командир Цзинь-вэй, наконец, прошептал:

— Принц был очень добр ко мне. В ту ночь, распивая с Вами алкоголь под луной, я восхищался Вашей добротой, но... Вы не заслужили всего этого. Вы убили сто тридцать шесть человек из семьи Шэн и одиннадцать моих невинных братьев!

Изо рта Чжу Можэня сочилась кровь, когда он холодно улыбнулся. Его лицо больше не выражало былой нежности и доброты. Он сказал:

— Не убей я их, я был бы уже мёртв!

В глазах Кун Чао промелькнула печаль. Он медленно покачал головой:

— Старейшина Шэн не собирался разглашать эту информацию. Только один из моих

одиннадцати братьев знал это. Если бы Вы не убили его, он бы и не стал никому о Вас рассказывать. В тот день он умер у меня на руках, а знаете ли Вы, что он сказал мне накануне? Он сказал, что собирается уйти в отставку и вернуться домой, чтобы спокойно дожить до старости со своей невестой Цинь Мэй! — к концу фразы глаза Кун Чао вспыхнули гневом. — Чжу Можэнь! Никто не смеет отнимать у невинных жизни! Тебе принадлежит только твоя жизнь!

На лице Чжу Можэня промелькнула тень сожаления о совершённых ошибках, но в следующий момент Кун Чао закричал и внезапно обрушил меч прямо на плечо Чжу Можэня, разбив его меч надвое!

Из раны хлынула кровь, забрызгав Кун Чао всё лицо.

Он сидел, опустившись на колени, и спокойно смотрел на молодого командира Цзинь-вэй...

Как вдруг!

Он поднял свой сломанный меч и бросился на Императора. Однако Кун Чао был быстрее, и в следующее мгновение ему в сердце вонзился нож, вынудив его остановиться.

Нож был тонкий и лёгкий, со слегка изогнутым лезвием.

Горячая кровь прокатилась по рукояти холодного ножа и закапала на землю.

Все члены Цзинь-вэй вокруг них замерли. Ван Гуанпин тоже был здесь, окружённый своей охраной. Он тоже наблюдал за происходящим широко раскрытыми глазами, не в силах сказать ни слова. Все собравшиеся были потрясены картиной, когда Принцу вонзили нож в спину. Сломанный меч, наконец, выпал из его руки на землю.

Никто не издавал ни звука; был слышен только шелест ветра.

Спустя долгое время тишины Принц скривил губы и беспомощно произнёс:

— Кун Чао, после того, как ты сделал это со мной... тебя не мучает совесть?

Изогнутый нож внезапно вырвался из его сердца, и Чжу Можэнь рухнул на землю. Кровь хлынула из глубокой раны в его груди, и вскоре дорожка из голубого камня окрасилась в красный. Длинные мягкие черные волосы были запачканы грязью, а красивое элегантное лицо — залито чёрной кровью. Кровь сочилась из его рта и ран на груди и плече.

В следующее мгновение Император издал горестный крик и внезапно бросился вперёд, сжав в своих объятиях холодное тело юного Принца.

Чжу Можэнь с большим трудом открыл глаза и взглянул на человека, которого на протяжении восемнадцати лет называл «отцом императором».

Император давно был тяжело болен и едва держался на ногах, однако в эту секунду он был необычайно силен, крепко прижимая к груди сына и рыдая. На его шее ещё виднелись следы крови от кинжала Принца, но когда дворцовые врачи попытались помочь ему, он махнул им:

— Спасите принца! Спасите принца!

Врачи один за другим становились на колени, но ни один из них не решался пойти вперёд, чтобы спасти принца.

Дело не в том, что они не хотели его спасать. Просто его уже было не спасти.

Принц сошёл с ума и буквально минуту назад пытался убить своего Отца-Императора. Кун Чао, как истинный член Цзинь-вэй, остановил его, вонзив нож прямо ему в сердце. Настоящие Цзинь-вэй не промахиваются, и если Кун Чао ударил его в сердце, значит он хотел, чтобы его удар пришёлся именно в сердце, а не куда угодно ещё.

В конце концов, Императору оставалось только прижимать тело принца к себе и горько кричать, взывая к небесам. Принц улыбался, глядя на своего старого отца. Он хотел что-то сказать, но не мог открыть рот, потому что кровь стояла у него в горле. Когда он пытался заговорить, он тут же начинал кашлять кровью.

Император крепко обнял сына и зарыдал:

— Если бы ты рассказал мне обо всём раньше, разве я убил бы тебя? Разве я убил бы тебя?!

При этих словах зрачки Принца внезапно расширились, вперившись в Императора, оплакивающего его.

Чжу Можэнь медленно протянул руку, казалось, собираясь вытереть слёзы с лица отца. Но его рука внезапно замерла в воздухе и... обессилено рухнула на землю.

Лёгкий холодный ветерок медленно завывал в стенах дворца, запутывая длинные волосы Принца и пытаясь поднять их. Однако из-за тяжести налипшей крови длинные волосы не двигались с места. Во дворе стояла смертельная тишина. Император тихо плакал. Все смотрели на мёртвого принца, как будто никто не ожидал, что всё закончится именно так.

Он умер с безмятежной улыбкой на губах. Но по его щеке прокатилась слеза, упав на землю, и, наконец, растворившись в пыли.

— СЫНОК!!!

Голос Императора был настолько преисполнен печали, что никто из присутствующих не смел даже шелохнуться.

На этом сцена была окончена.

Пожилой актёр, игравший Императора, крепко сжимал Жун Сюя и горько плакал. В конце концов, когда ты вживаешься в роль, тебе становится действительно больно, и ты плачешь по-настоящему.

Жун Сюй однажды уже снимался в подобной сцене, когда над его «трупом» тоже плакали. В то время он снимался в «Борьбе за превосходство» и играл ВаньЦи Яо. Жун Сюй отчётливо помнил, что в прошлый раз Е Цяо пришлось неоднократно переснимать эту сцену, а режиссёр Го был очень недоволен им.

Однако в то время, как подобные сцены очень трудны для молодых актёров, пожилым и опытным они даются в разы проще.

После того, как Лю Лао принял решение, что эту сцену переснимать не нужно, Жун Сюй вздохнул с облегчением, а Ло Вэй с волнением крикнула:

— Вы закончили!

Жун Сюй повернулся, чтобы посмотреть на неё, и рассмеялся:

— Ну, да, меня убили.

Услышав это, Ло Вэй была так счастлива, что по-глупому закивала головой, но после того, как её приступ возбуждения стих, она окинула взглядом обмякшего Жун Сюя, залитого «кровью», и с тревогой в голосе предложила:

— Жун Сюй, давайте-ка переоденемся.

Сцены сегодня снимались непрерывно. Хотя по сюжету боевые искусства Чжу Можэня не были высоки, да и боевых сцен у него было не много, сегодня его очень долго «мучили». Стрела торчала у него из руки, меч пробил плечевую кость, а грудь была пронзена ножом.

Естественно, это не было правдой. Все знали, что это – лишь грим и спецэффекты, однако,

глядя на Жун Сюя, они чувствовали дискомфорт. Первоначально великолепная мантия была разорвана в клочья, а длинные волосы, изначально идеально собранные, ниспадали теперь ему на плечи, покрытые кусками засохшей грязи и крови. Его лицо и одежда были залиты искусственной кровью. Внешний вид Жун Сюя в этот момент, несомненно, был худшим из всех, что ему когда-либо доводилось иметь на съёмках.

Кстати говоря...

Стрела, пронзившая его ладонь, была выпущена Цинь Чэном.

Меч, который вонзился ему в плечевую кость, принадлежал Цинь Чэну.

Нож, пронзивший его сердце... да, его тоже вонзил Цинь Чэн.

Поэтому Цинь Чэн быстро подбежал к нему после окончания съёмки, внимательно осмотрел пальцы Жун Сюя, нахмурился и спросил:

— Не больно?

Стрелу с руки Жун Сюя к этому моменту уже сняли, но грим в виде «дыры» ещё оставался.

Юноша с улыбкой приподнял бровь и ответил:

— Это всего лишь небольшой ушиб. Когда я падал на землю, я случайно ударился. — после паузы он добавил. — Или ты всерьёз думаешь, мне больно от стрелы, «угодившей» мне в ладонь?..

Сначала Цинь Чэн не ответил:

— ?..

Увидев ясные глаза мужчины, полные решимости и серьёзности, Жун Сюй сказал:

— Посмотри на моё плечо — оно пробито. Моё сердце пронзено. Мне больно! — сделав паузу, Жун Сюй с серьёзным видом посмотрел на Цинь Чэна и торжественно повторил. — Мне больно.

Цинь Чэн:

— ...

<http://tl.rulate.ru/book/3652/91111>